

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Инцест, картина маслом

«... Привокзальная площадь. Сажу в машине и наблюдаю омерзительную сцену. Откуда-то появился грязный бездомный бродяга и безо всякого смущения прилюдно вывалил своё хозяйство наружу. Он мочится прямо на мостовую. Он пьян. Почему не пошёл в туалет? Потому что туалет платный, и его туда не пустят. Но ведь деньги на выпивку нашёл? Почему же тогда на туалет не нашёл. А потому что ему всё равно, где нужду справлять. Но поражает то, что никто к нему не подходит и не делает замечание. Всем наплевать, а некоторых это даже забавляет. Значит, всех это устраивает. Я тоже не хочу выходить из машины. Но и взгляда не отвожу. Продолжаю смотреть. Почему? Потому что такова психология нашего поведения в обществе.» Из дневника Энн Мари Фишер.

Всем привет! Меня зовут, впрочем, какая разница, как меня зовут. Мегера, вот как. Так родители мои меня называют, когда злые. Но зовут меня обычным именем и проблема тоже вполне обычная, в небедных семьях весьма распространённая. Потому как на дармовщинке погреть руки пробуют почти все нищелюбы нашей страны, и многим это с успехом удаётся. Некоторые так считают своим долгом распотрошить бизнесмена разожравшегося, и хапнувшего из кармана простых граждан кучу бабла чуть ли не до небес. И если вдруг дело доходит до раздела имущества и наследства, то как тараканы из канализационной трубы полчищами прут всевозможные родственники, близкие и не очень, о существовании которых ты даже и не помышляешь, и клещами впиваются в это самое наследство. Они стоят насмерть за жирный кусок и готовы прикончить на месте любого конкурента из собственного родового гнезда. Да, мне досталось всё и сразу, от рождения и на халяву, и к восемнадцати годам я успела объехать полмира, и оттянуться на всех элитных курортах по нескольку раз. Я ничего не говорю против других граждан, мне неведомы их проблемы, возможно, жить им намного труднее чем мне, потому как мои предки богатенькие, и мне повезло в плане материального благополучия. Однако вслед мне плюют, и колёса протыкают, и записки приклеивают на лобовое стекло типа зажрались буржуи недорезанные. К золотой молодёжи я так же отношения не имею, потому как материальный статус всё же не дотягивает.

Итак, сегодня мне родители преподнесли один сюрприз из серии поделись-подвинься.

— У нас с папой для тебя есть сюрприз — так и сказала моя мама мне прямо с утра.

— Да, сюрприз — сказал папа тоже.

— Навороченный комп?

— Нет.

— Последний айфон?

— Нет.

— Мерседес?

— Нет.

— Ну тогда косуха баксов.

— Это ты воспитал в ней шкурные интересы и страсть к стяжательству — сказала мама папе — я не знаю, как с ней дальше разговаривать.

— А что в этом плохого? В наше время так и должно быть — сказал папа маме.

— Нет, дочь, ты не угадала.

— Тогда не знаю. Предположу, что у меня объявился богатый родственник за границей. Он

склеил ласты, и теперь меня ждёт многомиллионное наследство в баксах. Нет? Не угадала? Тогда катитесь со своими сюрпризами подальше. Видите, я занята.

— Чем это ты занята? — мама топнула ногой.

— В соцсети перепиской с мальчиками.

— Твой эгоизм переходит все границы — это мама опять.

Вот достали. Раз достали, значит точно сюрприз. Но если я всё время не угадываю, определённо этот сюрприз — дерьмо собачье.

— У тебя сестричка есть — сказал наконец папа.

— Чё-ё?

— Сестра у тебя теперь будет — сказала мама, повышая тон.

— Чёт я пуза беременности у тебя не вижу. Не поздно рожать-то надумала? А то ещё ласты склеишь в роддоме на родильном столе.

— Будешь со мной вести себя подобным образом и разговаривать таким тоном, не получишь больше ни рубля.

— Мне папа даст денег. Он меня больше любит.

— Всё, ты наказана. А ты если ей хоть доллар дашь, можешь катиться в свою спальню и к моей кровати даже не подходи. Понял?

— Ладно, ладно, понял.

— Так вот — это опять моя мама — у тебя есть взрослая сестра. Папа когда-то был женат на другой тёте, и у них была дочь. Теперь она будет жить у нас. Потому что это папина дочь. И потому что так суд постановил. Она старше тебя на пять лет. Я обязана тебе это сказать, потому что тебе уже восемнадцать, и тебе положено про это знать. Воспринимай это как сюрприз, подарок, наказание, или ещё что.

— Значит, сестра.

— Да.

— И она будет жить в нашей квартире?

— Да. А тебе что, пяти комнат мало? Ну выделим одну. Ещё четыре будет.

— А когда вы ласты склеите, мне что, наследство с ней поровну делить, что ли?

— Нет, ты посмотри как она разговаривает! Ты воспитал дочь — эгоистку и хамку. Вся в папочку.

— Да? А кто её до пятнадцати лет баловал. Кто ей потакал во всём. Ты её распустила, а она оборзела.

— А ты где был в это время, козёл старый. А на суде как себя вёл? Не мог денег даже сунуть кому надо.

— Сама дура набитая.

— А я твой нюх топтала, придурок, кабан жирный.

Ну вот такой разговор, почти слово в слово, произошёл сегодня утром, а уже вечером в доме появилась моя новоиспечённая сестра. Она стояла посреди гостиной и разглядывала копии полотен известных мастеров, развешанных по стенам. Одета более чем скромно. В руках простая матерчатая спортивная сумка. Симпатичная девочка. Шатенка, с короткой стрижкой и волевым лицом. По виду, так и постоять за себя сумеет.

— Привет — сказала мне она.

— Ты кто? — спросила я презрительно, игнорируя её «привет».

— Твоя сестра. Меня зовут Яна — она и бровью не повела.

— Чёт с рождения у меня не было ни братьев, ни сестёр. А ты откуда такая взялась? Я тебя знать не знаю, и без тебя мне как-то неплохо было.

— Твой папа должен был тебе всё рассказать. У нас с тобой папа один. Значит, мы с тобой сёстры.

— Я не признаю такое родство. Но раз уж произошло, то придётся тебя терпеть. Только не лезь в мои дела и не путайся у меня под ногами.

— Надеюсь, мы подружимся. И полюбим друг друга.

— Это как?

— Ну, у нас появятся, скажем, общие интересы.

— Вот мой интерес к тебе — я плюнула на пол и растёрла — и повернувшись спиной, пошла к себе в комнату.

Весь день я игнорировала эту Яну. Но она общалась с мамой и сумела найти с ней общий язык. Мама даже отложила свои экскурсии по бутикам и косметическим салонам, чего раньше не бывало никогда. Надо же, воркуют как голубки — злобно думала я — тью-тью-тью, те-те-те, а я, значит, уже на хер не нужна. Мне, получается, ноль внимания, фунт презрения. Мама водила её по комнатам и показывала дом. Затем они ушли на второй этаж. Чёрт с ними. Наступило время ужина и я спустилась в столовую. Завтрак, обед, ужин — это отдельная история. Ну почему нельзя просто сесть, где тебе удобно и пожрать то, чего тебе хочется. И когда хочется. Можно даже прямо из холодильника. Нет, всё у них как при дворе королевы Елизаветы. Всё по минутам расписано. И целый ритуал. Будьте любезны. Подайте пожалуйста. А сами откуда повыползали. Папаша, бывший советский сантехник, скупавший в лихие девяностые на рынках ваучеры, и на этом сколотивший капитал, а мама так вообще уборщица в офисе, которая умела вертеть жопой получше остальных. Тоже мне, господа выискались. Смотреть тошно. Забыли, как наспех жрали в дешёвых столовках, и покупали на рынках по сто раз разогретые пирожки. А теперь, блядь, будьте так добры, да вас не затруднит подать вон то. Вот толстый папа сидит и жрёт только с вилки. Даже не чавкает. И белоснежную салфетку за шиворот засунул. Показуху перед Яночкой устроил, ублюдок. Тоже мне, генеральный директор.

Директор унитазов, раковин и горшков, которые понавозил непонятно откуда и перепродаёт втридорога. А чистоплюй ещё тот. А ведь когда-то жрал руками с расстеленной газеты холодные сосиски и запивал из горла дешёвой бормотухой. И мама — ножиком и вилочкой, аккуратненько разделяет фазана, словно пластический хирург растягивает сморщенную рожу и делает из богатой старухи двадцатилетнюю девочку. Забыла, как три босса таскали её по офисам и кормили буквально с рук. Взять бы эти тарелки и запихать им в хайло. И размазать по роже. Ненавижу этих лицемеров. Поубивала бы. Напротив меня по ту сторону стола сидит эта Яна и старается брать с них пример. Но ты-то, нищевродка, что, жрать нормально не можешь? Тоже вилкой ковыряешь? Ой! Прервались мои мысли от чего-то необычного. И это необычное заключалось в том, что что-то мягкое и нежное вдруг упёрлось мне между ног под столом. Я даже не сразу поняла что к чему. Мягкие прикосновения чего-то тёплого гладили по трусикам мне между ног, и я невольно опустила руку вниз. Нежная голень, затем гладкая пятка. И пальчики стопы как раз на моей промежности нежно так гладят. Вот хамка, да ещё за столом так себя ведёт.

Я гневно взглянула на Яну. Ну и ну, она смотрит прямо мне в глаза и даже ехидно улыбается. И продолжает ласково гладить меня между ног. Первой мыслью было отбросить рукой её

ногу, но это было бы слишком заметно. Отодвинуть стул, встать и уйти? Так не пожрала же ничего ещё. Я замешкалась, и какое-то время ничего не предпринимала. Вдруг я поняла, что девичью ножку убрать со своего интимного места уже не получится. Потому что я не хочу её убирать от себя. Что-то сладостно-возбуждающее появилось там внизу, оно было приятным и постепенно усиливалось. Это исходило от нежного прикосновения. Аппетит пропал напрочь и внутри меня начала подниматься и пульсировать блаженная сила, исходящая от пальчиков ноги этой Яны. Вот зараза, а? Как же мне от этого хорошо вдруг стало. Я опустила руку вниз и неосознанно начала гладить девичью ножку и прижиматься к ней плотней. Мне хорошо, ну и пусть. Наверное, она знает, что делает, эта Яна. Я сдвинула трусы в сторону и пальчик ноги приласкал мне губки на влагалище. Волна страстного возбуждения поднялась во мне и накрыла с головой. Я почувствовала, что начинаю дрожать. Я сидела и пялилась в тарелку, не смея подднать голову и не шевелилась. И старалась тяжело не дышать. Но в этот момент папа сделал неловкое движение, когда наливал вино в бокал на тонкой высокой ножке. Бокал опрокинулся и упал маме в тарелку, его содержимое вылилось прямо в салат. Для скандала этого было вполне достаточно. Отшвырнув вилку в сторону, мама сказала:

— Вот смотри Яночка, как ведут себя за столом настоящие свиньи, у которых руки выросли из жопы.

— Если бы это было так, то ты в хлеву бы сейчас хлебала из общего поила — парировал папа. Яна густо покраснела и тут же убрала от меня свою ногу. Она грациозно встала и сказала маме:

— Можно мне пойти к себе? Что-то голова заболела.

— Конечно, Яночка.

— Я уберу за собой посуду — сказала Яна.

— Забудь теперь про это. На это прислуга имеется.

Яна смерила меня долгим обещающим взглядом и вышла из-за стола.

— Я тоже пойду — сказала я и тоже встала.

— Сядь и доедай, ты ничего не съела.

— Я не хочу эту постную бурду. Пойду лучше чипсы открою.

— Эта, как ты говоришь бурда, стоит больших денег, а чипсы есть вредно.

— Вредно, да? А пиво литрами глушить полезно? Я ухожу к себе, противно смотреть, как вы грызётесь.

— Ты эгоистку и хамку воспитал.

— Можно подумать, что ты чем-то лучше.

Я молча встала и пошла к себе. За спиной я слышала звон разбиваемой посуды и папин отборный мат. Что-же, я всегда завидовала тому, как он умеет ругаться. Сразу видно — настоящий сантехник! Но сейчас мне было не до них. Поднимаясь по лестнице, я отметила, что между ног у меня мокро и некомфортно, и возбуждение не проходило. Я закрылась на ключ и легла на кровать. Рука сама потянулась к промежности и я запустила туда два пальчика. Прикрыв глаза, я страстно мастурбировала на Яну и представляла, как она трогает и гладит меня между ног уже своими руками. Наступил скорый оргазм и я кончила весьма ярко. По телу прошла сладкая судорога и я расслабилась.

Я весь вечер просидела перед компом. Настроение было паршивым и я всё время думала о своей свалившейся с неба сестре. Все мысли были только о ней, и я резонно полагала, что с головой втрескалась в эту Яну. Потому что хотела продолжения того, что произошло под

столом там, внизу. Даже несмотря на онанизм, напряжение не спадало, и мне всё больше хотелось интимной близости с этой девушкой. Я улеглась в постель, но сон не шёл и я лежала с открытыми глазами. Не успела я задремать, как в дверь постучали.

— Кого хер несёт, чего ещё надо. Я сплю уже. Пошли все вон.

— Это Яна, пожалуйста открой.

Я тут же вскочила и потихоньку открыла дверь.

— Можно к тебе? — шёпотом спросила Яна.

— Заходи, только тихо.

Я была уже в ночнушке и пригласила её прямо на кровать, хотя она была ещё одета.

— Садись рядом со мной.

И Яна, отвернув простынь, присела на самый край.

— В общем, не буду ходить вокруг да около. Я хотела спросить. Тебе понравилось то, что я к тебе так непристойно ногой прикоснулась? Извини, но я видела, что тебе стало хорошо и приятно.

— Ты сама всё знаешь. Конечно хорошо. Мне понравилось твоё прикосновение и мне захотелось продолжения. Я потом на тебя дрочила.

— Даже так? Ну ты вообще без комплексов — она смотрела прямо мне в глаза и поднесла ко мне свою руку. Затем провела по лицу мягкой ладошкой, потом вниз по подбородку и шее, и уверенно положила свою ладонь мне на полную грудь. Пальцы зашевелились и прикосновение отдалось во всём теле сладкой истомой. Я чувствовала, как моя грудь наливается и твердеет, а по телу распространяется сладкий парализующий яд порочной любви.

— Тебе нравится? — спросила Яна.

— Да, продолжай.

— Ложись на спину — сказала она, и я покорно легла.

Яна устроилась у меня между ног, и я ощутила прикосновение её губ прямо на своей промежности. Она медленно и легко ласкала мягкими губами, и я чувствовала как во мне снова поднимается та страстная истома, которую я переживала за столом. И с моим онанизмом это не шло ни в какое сравнение. Затем внутрь начали проникать её пальцы и язычок двигался вглубь вместе с ними. Теперь я дала волю чувствам и моё тяжёлое дыхание переросло в стон. Яна продолжала ласкать и делала это нежно и ритмично, самым кончиком языка. Я никогда не испытывала ничего подобного, потому что раньше с девушками ни разу не была в интимной связи. Я даже чувствовала то, как пульсирует мой клитор. И этот нежный секс мне показался намного ярче, чем, к примеру, с парнем. Вот так сестра. Она давала мне такие ощущения, что я невольно подавалась вперёд навстречу и мотала головой в разные стороны. Яна ласкала и ласкала, а внутри меня словно горел фитиль, примотанный к динамитной шашке, которая должна была вот-вот взорваться. Я как дойная корова текла, а девушка продолжала меня стимулировать пальцами и язычком. Наконец оргазм неотвратимо завершился мощным взрывом, и я откинула голову на подушку. Мы какое-то время лежали неподвижно, и затем я безмятежно заснула.

Я проснулась утром рано и Яны рядом не оказалось. Наверное, потихоньку ушла, когда я спала как убитая. Спустившись вниз, я увидела Яну, маму и папу. Они сидели за столом и о чём-то разговаривали. Я спустилась по лестнице и сказала:

— Доброе утро мама, папа и Яна.

— Что? — брови папы удивлённо поползли вверх.

— Что ты сказала, дочь? — неуверенно переспросила мама — ты никогда раньше не здоровалась и не желала ничего доброго. Эту вежливость я слышу от тебя впервые.

— Я не ослышался? — повторил папа.

— Нет, не ослышались. Я всем пожелала доброго утра. Если хотите, вот ещё раз — Доброе утро!

С ума сойти — сказала мама, и они дружно уставились на Яну.

Она смущённо улыбнулась и лишь молча пожала плечами...

ARHIMED